

Джигоева М. Г.

ВЫЧЛЕНЕНИЕ И КВАЛИФИКАЦИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ «ВРЕМЯ»

Исследование лексики языка методом ее ассоциирования в разного рода парадигматические объединения имеет длинную историю. Еще М.М. Покровский писал: «Из теоретических и практических соображений я исследую слова по «сферам представлений», разумея под этим термином известные стороны нашего быта или группу однородных явлений внешнего или духовного мира» [1, с. 29].

С точки зрения формальной логики, существуют два способа, с помощью которых можно задать то или иное множество: описание и перечисление. В случае с лексико-семантической микросистемой описанию соответствует выбор «имени поля», а перечислению - обращение к выборке лексических единиц. Однако, чтобы данное множество можно было подвергнуть анализу, обе процедуры должны быть взаимодополняющими.

Прежде всего необходимо помнить, что «процедура вычленения ЛСГ (семантического поля) не может считаться частным, периферийным вопросом в теории семантического поля и требует детальной разработки и постоянного усовершенствования» [2, с.75]. Данное замечание справедливо по отношению к любой лексической микросистеме.

Итак, наша задача - выделить лексику, покрывающую понятийную область «время». Каким образом возможно осуществить эту задачу? В литературе описано довольно много различных способов получения исходных списков предполагаемых лексических микросистем. Однако представляется, что они неприменимы, в случае с временной лексикой, по нескольким причинам. Во-первых, на начальном этапе нет еще четкой определенности относительно вопроса, является ли лексика, относящаяся к понятийной области «время», единой лексической микросистемой или представляет собой совокупность некоторых подсистем. Во-вторых, описанные микросистемы выделены на основе «видосем» (по Ж.П. Соколовской). «Время» Ж.П. Соколовская относит к «родосемам», ссылаясь на классификацию Халлига и Вартбурга (см. в [3]). Таким образом, можно предположить, что лексика, объединенная родосемой «время», способна члениться на более мелкие подсистемы. В-третьих, описанные микросистемы однозначно квалифицированы: они отнесены либо к лексико-семантическим группам, либо к семантическим полям, либо к тематическим группам и т.д.

Мы будем исходить из того, что, вопреки мнению М. Хайдеггера, утверждавшего, что у лексемы *время* «трудно распознать какие-либо системообразующие смысловые элементы в силу их логико-философской широкозначности, неоднозначности в различных концепциях, нечеткости границ

между их специальными и обыденными значениями» [4, с.103], «слово время как наиболее общее и широкое обозначение времени многообразием своих значений как бы составляет канву для всех существительных, а по-видимому, не только существительных с временным значением в современном русском языке» [5, с.11]. Поэтому целесообразным было бы принять а priori, что критерием включения семемы в исходный список должно служить «употребление слова *время* или его идеографических синонимов в толковании слов» [6, с.87]. Таким образом, каждая единица, входящая, предположительно, в данный лексический массив, должна идентифицироваться смысловым компонентом 'время'. А принцип связности лексической микросистемы заключается в том, что в нее «должны входить значения с общими компонентами» [7, с.59]. В данном случае общим является компонент «время».

Нами был выделен определенный массив цельноформленных лексических единиц. Процедура вычленения осуществлялась методом сплошной выборки из МАСа, в результате которой было выделено свыше 700 семем, принадлежащих к разным лексико-грамматическим классам. Полученный первоначально список был организован в алфавитном порядке.

Естественно, что алфавитный, «словарный» список семем, вопреки мнению В.В. Морковкина, не дает представления ни о типе лексической микросистемы, ни о ее структуре. По утверждению В.В. Морковкина, «слово хранит в своей семантике информацию о всех лексико-семантических классах разных уровней, в которые оно входит», и «информация о каждом таком классе представлена в денотативном значении отдельной семой» [8, с.9]. Таким образом, очевидна необходимость квалификации полученного лексического массива и его классификации на основе других критериев.

При сопоставлении полученной группы со схемой В.В. Левицкого выявилось, что ее параметры не удовлетворяют заданным в схеме, в соответствии с которой тип лексической микросистемы определяется в зависимости от: а) преимущественной обусловленности связей структурой языка или структурой внешнего мира; б) местоположения имени внутри или вне системы; в) типа структурных отношений; г) типа имени (слово или словосочетание) [9, с.69-72]. Представляется, что лексико-семантический класс временных обозначений имеет сложную структуру и состоит из парадигмы ЛСГ («по вертикали»), выделяемых по грамматическому признаку, и парадигмы основных микрополей (групп) («по горизонтали»), выделяемых по семантическому признаку.

Поэтому для удобства анализа необходима, на наш взгляд, классификация исходного списка по частеречной принадлежности, точнее, «условное деление главных лексических параметров на аналоги глаголов, существительных, адъюнктов (прилагательных и наречий)» [10, с.45]. Во многих работах, посвященных анализу лексических микросистем, настойчиво звучит или подразумевается требование разбиения лексики на группы по лексико-грамматическому признаку. Такая тенденция прослеживается, начиная еще с В.В. Виноградова: «Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова...; оно зависит от свойств

той части речи, той грамматической категории, к которой принадлежит слово...» [11, с. 165]. Встречаются даже высказывания типа: лексико-семантические группы слов - это «такие лексические объединения, которые состоят из семантически взаимообусловленных компонентов, именуемых однородные, сопоставимые значения и *относящиеся к какой-либо одной части речи*» [12, с.51] (курсив наш. - Авт.). Или: «... можно, по-видимому, говорить об особой семантической микросистеме временных прилагательных, связанных с СМС существительных главным образом словообразовательными связями. Наречия с временным значением составляют довольно четко выраженный разряд, обычно выделяемый, начиная с М.В. Ломоносова, в русских грамматиках» [5, с.12]. А В.М. Солнцев рассматривает способность слов входить в те или иные классы (парадигматика) и в те или иные линейные комбинации (синтагматика) как «результат отягощения индивидуального лексического значения слова общим грамматическим значением, а также значениями сопутствующих (частных) грамматических категорий, которые обычно выражаются в так называемой формальной части слова (т.е. с помощью служебных, или формальных, морфем)» [13, с.60]. Наиболее убедительно это мнение обосновано А. Вежбицкой: «...если один 'качественный концепт' получает два обозначения, одно именное и одно адъективное, это не потому что частеречный статус, с точки зрения семантики, не имеет значения, а потому что рассматриваемый концепт расщепляется на два родственных концепта, один из которых, с семантической точки зрения, больше приспособлен для того, чтобы быть обозначенным существительным, чем прилагательным» [14, с.94].

Итак, в зависимости от лексико-грамматического значения всю выделенную лексику можно разбить на четыре класса: предмет, признак, действие, признак действия или качества. Соответственно в первую группу попадут имена существительные (*неделя, октябрь, перерыв, утро* и под.), во вторую - имена прилагательные (*древний, вечерний, зимний* и под.), в третью - глаголы (*полуночищать, зимовать, опаздывать* и под.) и в четвертую - наречия (*рано, вчера, встарь* и под.).

Наблюдения над полученными в результате такого разбиения группами позволяют с уверенностью говорить о невозможности включения слов, принадлежащих к разным лексико-грамматическим классам, в одну и ту же лексико-семантическую группу при построении парадигматической классификации. Это связано, главным образом, с тем, что рубрикация при парадигматической классификации обычно производится с учетом грамматического компонента значения. Именно поэтому построение парадигматической классификации возможно только в рамках одной части речи. Сказанное дает основания предполагать, что парадигматические классификации существительных, прилагательных, глаголов и наречий не будут идентичными. Это не значит, однако, что подобные объединения лексики совершенно изолированы друг от друга и существуют в некоем «лексическом вакууме». Они связаны между собой семантическими и словообразовательными связями.

Необходимо отметить также, что классификация лексики по частеречной принадлежности дает возможность стратифицировать всю временную лексику, в

соответствии с ее системной релевантностью. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «отбирая для семантического анализа группу слов, связанных отношениями производности, очень важно уметь преодолеть гипноз внешней формы в двух отношениях. Во-первых, далеко не все слова, имеющие тождественные корневые морфемы и принадлежащие, по видимости, к продуктивным словообразовательным типам, находятся в отношениях регулярной производности... Во-вторых, имеется большое число пар слов, содержащих разные корневые морфемы и тем не менее обнаруживающих точно такие же семантические отношения, как пары классических производных (т. н. супплетивные производные) [10, с.102]. В данном случае речь, видимо, идет о так называемой синтаксической производности. «При синтаксической деривации производное слово отличается от производящего не своим лексическим значением, а только своими синтаксическими свойствами» [10, с.164]. В связи с этим И.С. Улухановым предпринята весьма удачная, с нашей точки зрения, попытка создания классификации степеней мотивации производных слов (см. в [15]). Ф.П. Филин считает, что «словообразовательные гнезда – важный элемент лексической системы. Условно его можно назвать корнепроизводным. Со словообразованием связана «внутренняя форма слова», т.е. семантическая мотивировка слова» [16, с. 221]. На необходимость учитывать деривационные связи, наряду с синтагматическими и парадигматическими, указывал и О.М. Соколов: «... какие бы системы в лексике ни моделировались, все они учитывают три основных типа отношений, отражающих объективные свойства языка и речи: парадигматические, синтагматические и деривационные» [17, с. 13].

С нашей точки зрения, ценность производящего и производного слов для лексико-семантической системы неодинакова, т. е. их системная релевантность различна. Приведем примеры. Возьмем ряды семем, относящихся к разным лексико-грамматическим классам и объединенных словообразовательными связями: *срок - срочный - срочно; период - периодический - периодически; старость - застарелый - застареть; старый - старость - стареть; завтра (сущ.) - завтрашний - завтра (нареч.); молодой - молодость - смолоду - молодеть*. Во всех случаях значение семемы, принадлежащей к одной части речи, несводимо к значению семемы с другой частеречной принадлежностью, что совершенно естественно объясняется наличием в их структуре различных грамматических компонентов. Однако, если рассмотреть пару *минута - минутный*, нельзя не обратить внимание на то, что семные наборы обеих семем в принципе одинаковы, за исключением грамматического компонента. Иначе обстоит дело в паре *праздник - праздничный*, где семные наборы семем во многом различны, хотя, несомненно, имеют интегральные семы, которые и обуславливают их смысловое сходство, но не идентичность. То же происходит в случае с семемами *минута - минутный*. Примечательно, что только *минутный₃ (спец.)* содержит сему `60 секунд`. *Минутный₁* и *минутный₂* содержат в своей семантике компонент, который, пользуясь лексикографической терминологией, можно было бы назвать «отсылочным толкованием» к системно релевантному, то есть системно ценностному, слову. На этапе лексикографирования этот компонент реализуется в

виде фрагмента словарной статьи «прил. к ...» исходному существительному или «нареч. к ...» исходному прилагательному. Таким образом, на вопрос Е.С. Кубряковой, «равноправны ли по своему статусу и положению в системе языка (в частности, в грамматике и лексике) слова простые, непр производные, с одной стороны, и слова производные - с другой» [18, с.6], мы отвечаем отрицательно.

Однако проблема заключается в том, что критерии, которые позволили бы отделить системно релевантные семемы от системно нерелевантных, весьма зыбки. Следствием этого является известная произвольность процедуры дифференциации лексических единиц. Для устранения этой произвольности необходимо, на наш взгляд, не только тщательный анализ словарных формулировок, но и обращение к синтагматическому анализу. Можно согласиться с В.В. Морковкиным в том, что определение семного состава семемы возможно «с помощью анализа корпуса словосочетаний, в которые входит данное слово. Теоретической основой этого способа служит предположение о наличии фундаментальной связи между семной структурой слова и его сочетаемостью, в согласии с которым всякая сема, входящая в денотативное значение слова, непременно проявляется хотя бы в одном сочетании этого слова с другими словами. Из этого предположения следует, что сочетаемость может использоваться (вместе с элементами парадигматического противопоставления) в качестве весьма надежного инструмента установления реального семного состава слова» [8, с.10]. Кроме того, как пишет А.А. Уфимцева, ссылаясь на В.В. Виноградова, «к лексико-семантической системе относятся как сам лексический инвентарь, слова и выражения, так и внешние формы слов, грамматические и словообразовательные категории, определяющие группировки и смысловые отношения слов: модели их сочетаемости и основные семантические группы слов, которые оказывают большое влияние на связи значений слов, на основные правила сочетаний и соотношений слов» [19, с.38].

Итак, системная релевантность семемы - это ее значимость, «концептуальность» для лексико-семантической системы. Системная релевантность определяется количеством дифференциальных сем у производной семемы по сравнению с исходной: чем больше это количество, тем выше системная релевантность семемы. Системно нерелевантные семемы лишь «относят слово к какой-нибудь грамматической категории (например, временные, или видо-временные, или даже чисто видовые формы глаголов), не затрагивая лексического значения слова» [13, с.229]. Как отмечает Ю.Д. Апресян, «к числу лексических замен относятся... чисто синтаксические дериваты (S_0 , A_0 , Adv_0 , V_0), т.е. производные другой части речи, полностью сохраняющие лексическое значение исходного слова, ср. *двигаться* - *движение*, *рожать* - *роды*, (*быть*) *белый* - *белизна* (S_0); *строить* - *строительный*, *республика* - *республиканский*, *карты* - *карточный* (A_0); *быстрый* - *быстро*, *смысл* - *по смыслу*, *большой* - *очень* (Adv_0); *строительный* - *строить*, *любовь* - *любить* (V_0)» [10, с.43]. Анализ сочетаемости для определения системной релевантности семемы проводился с учетом направления словообразовательных связей. Позволим себе не согласиться с мнением Е.С. Кубряковой, утверждающей, что производное слово является

«уникальной единицей номинации, отличной от других по совокупности формальных и содержательных признаков» [18, с.63]. На это, однако, можно возразить следующее: например, словосочетания *праздничный день, утреннее время* обнаруживают семантическое сходство с производящими словами *утро, праздник*, что свидетельствует о схожести семантических структур. К тому же, при переводе на какой-либо язык с преобладанием аналитизма формальные различия также исчезают (ср. англ. *summer - summertime, forest - forest berries*). Итак, по нашему мнению, релевантным для системы является – преимущественно – производящее слово. Так, в паре *будущий - будущность* системно релевантным является слово *будущий*, а в паре *период - периодический* – слово *период*. Однако если сопоставить слова *периодический - периодически*, то первое окажется системно релевантным, а нерелевантным – второе. Это позволяет предположить существование некоей «шкалы релевантности». Таким образом, процедура выявления системно нерелевантной лексики призвана более четко определить границы лексической микросистемы «время».

Примеры сочетаемости для синтагматического анализа были взяты из устной речи, а также из Словаря сочетаемости. Большинство проанализированных единиц относится к прилагательным, производным от существительных, и наречиям, производным от прилагательных. Например, в паре *неделя - недельный* анализируемым является слово *недельный*. Анализ его сочетаемости и словарной формулировки (*недельный отпуск, недельное совещание, недельные котятка*) позволяет выделить следующие семы: `продолжительность`, `регулярная повторяемость`, `возраст`. Такие дополнительные семы, однако, не выявляются, например в паре *четверг - четверговый* (четверговый – такой, который бывает по четвергам) или в паре *утро - утренний* (утренний – такой, который бывает по утрам). В этих и подобных случаях словарь дает отсылку: прил. к *четверг* или прил. к *утро*. Таким образом, можно сказать, что эти слова не обладают самостоятельной семантикой, и единственный дифференциальный компонент, по которому они отличаются от слов *четверг* и *утро*, – это грамматический компонент значения.

Список литературы

1. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – 382 с.
2. Быстрова Л.В., Капатрук Н.Д., Левицкий В.В. К вопросу о принципах и методах выделения лексико-семантических групп слов // Филологические науки. – 1980 - № 6. - С. 75-79.
3. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. - М.: Наука, 1976. – 355 с.
4. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. - М.: Прогресс, 1986. - С. 93-119.
5. Клименко А.П. Существительные со значением времени в современном русском языке (Опыт психолингвистического описания одной семантической микросистемы): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Минск, 1965. - 19 с.
6. Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). - М.: Издательство МГУ, 1977. - 168 с.
7. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. – 1972. - № 1. - С. 57-69.

8. Морковкин В.В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. - М.: Русский язык, 1984. - С. 5-15.
9. Левицкий В.В. Типы лексических микросистем и критерии их различения // Филологические науки. - 1988. - № 5. - С. 66-74.
10. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. - М.: Наука, 1974. - 366 с.
11. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М.: Наука, 1977. - 244 с.
12. Липатов А.Т. Субполя синонимов и роль моносемьи-константы в формировании их системы // Филологические науки. - 1984. - № 5. - С. 50-58.
13. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. - М.: Наука, 1977. - 340 с.
14. Вежибицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
15. Улукханов И.С. О степени словообразовательной мотивированности слов // Вопросы языкознания. - 1992. - № 5. - С. 74-89.
16. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. - М.: Наука, 1982. - 336 с.
17. Соколов О.М. Методические рекомендации к изучению курса «Проблемы лексики и семантики русского языка как иностранного». Раздел: Системно-парадигматические отношения в лексике русского языка. - М.: Издательство УДН, 1988. - 48 с.
18. Кубрякова Е.С. Производное слово в лексике и грамматике // Слово в грамматике и словаре. - М.: Наука, 1984. - С. 60-69.
19. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. - М.: Наука, 1968. - 272с.